

М.И. Гаськова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ
(на примере интегрального подхода К. Уилбера)**

В статье анализируются некоторые основные тенденции в процессе трансформации ценностного сознания российского населения в период после начала перестройки по настоящее время, а также намечаются пути их теоретического осмысления в рамках некоторых современных подходов и теорий (в частности, К. Уилбера, Д. Бека и К. Коуэна). Представляется, что данные теории можно отнести к постнеклассическому этапу в развитии науки; в методологическом отношении они имеют большую перспективу в исследовании разнообразных феноменов бытия с точки зрения целостного подхода к объекту исследования.

Проводится сравнительный анализ эмпирических данных как местных лонгитюдных обследований населения в Новосибирской области, так и общероссийских и международных исследований ценностей.

Ключевые слова: *интегральный подход, трансформация ценностного сознания, российское население, постперестроечное время.*

Keywords: *integral approach, transformation of value consciousness, Russian population, post-Perestroika period.*

**Ценности российского населения в свете
международных эмпирических исследований**

Глубинная трансформация, происходящая в России в последние десятилетия, затронула все сферы человеческого бытия; вместе с кардинальными реформами в социально-политической и экономической области идут перемены и в ценностях людей. Связаны ли и каким образом изменения в материально-технической сфере с духовной — индивидуальной и общественной жизнью человека? Как это отражается в сознании конкретных социальных групп? Какие тенденции и закономерности

сти в развитии общественного сознания можно отметить в течение последних двух десятилетий?

Для ответа на поставленные вопросы хотелось бы в первую очередь обратиться к некоторым ключевым выводам и гипотезам крупнейшего на сегодняшний день международного эмпирического исследования ценностей (World Values Survey), осуществляемого под руководством американского ученого Роналда Инглхарта в более чем 60 странах мира. Исследование, проводимое в 1981, 1990, 1995 (а также в 2000, 2005 и 2010–2011 гг.), включает также и Россию. Некоторые из основных выводов и идей исследования будут использованы в данной статье.

Результаты исследования показывают, что, безусловно, имеется взаимосвязь между экономической и политической ситуацией в стране и ценностями населения. Р. Инглхарт в анализе данных уделяет большое внимание ценностям материализма / постматериализма (или выживания и самовыражения), стремясь доказать, что население менее развитых в экономическом отношении стран (к которым относится и Россия) в большей степени разделяет *ценности материализма* и, наоборот, более богатые страны переориентируются на *постматериалистические ценности*. К ценностям материализма Р. Инглхарт относит предпочтение физической и психологической безопасности и экономического благополучия, а к ценностям постматериализма — значение принадлежности к группе, самовыражения и (в т. ч. и «нематериального») качества жизни. Ученый утверждает, что сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям — это один из аспектов более широкого сдвига от модернизма к постмодернизму. Ценности модернизма включают в себя также склонность к авторитаризму, почтение к власти, а постмодернистские — разнообразие способов самовыражения во всех сферах жизни, демократизм, высокий уровень терпимости к иному и пр. (Inglehart 1999).

Уделяя значительное внимание ценностям материализма, Инглхарт анализирует его в контексте выдвинутой им *гипотезы социализации*. Согласно данной гипотезе, соотношение между социально-экономической средой и ценностными предпочтениями не «одномоментно», т. е. подразумевает, что должно пройти значительное время на их изменение. Его исследование разных поколений американцев выявило явную зависимость фактора возраста от выраженности материалистических / постматериалистических ценностей. Должно смениться как минимум одно поколение (т. е. молодые возрастные группы должны заменить более взрослые), прежде чем произойдет кардинальная смена доминирующих ценностей. Но и вырастая, молодое поколение не становится более материалистичным.

Р. Инглхарт выдвигает и подтверждает также *гипотезу недостатка*: приоритеты индивида отражают социально-экономическую среду. Для

человека наиболее важными являются те вещи, которые находятся в ограниченном, недостаточном запасе (Там же: 220). Исследователь показывает, что ощущение субъективного благополучия и удовлетворенности зависит от уровня экономического развития в стране, и зависимость эта является пропорциональной, но только до определенного предела в достижении материального благополучия (как индивида, так и общества). Что касается России и стран бывшего социалистического лагеря, то они находились на самом низком уровне по данному показателю по сравнению с другими странами (на 1998 г.). Это означает, что большинство жителей в указанных странах ощущали себя несчастливymi и были не удовлетворены своей жизнью в целом при одном из самых низких показателей валового национального продукта на душу населения.

Последние волны Всемирного исследования ценностей были разработаны с целью всестороннего, комплексного изучения всех основных областей интересов и проблем человека — от экономики до политики, религиозной и частной жизни и пр. В результате была выявлена значимая статистическая связь между характеристиками обществ и ценностями людей, как и в более ранних исследованиях коллектива. На основе сравнения показателей разных стран авторами был сделан вывод о том, что доминируют в развитии сознания два ключевых направления: *плоскость традиционных / секулярно-рациональных ценностей* и *плоскость ценностей выживания / самовыражения*. Направление традиционных / секулярно-рациональных ценностей отражает контраст между обществами, в которых религия очень значима, и теми, в которых она не играет значительной роли. Второе направление авторы связывают с переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии в общественном развитии (Inglehart, Welzel: <http://www.worldvaluessurvey.org>).

Несомненное достоинство работы Р. Инглхарта и его коллектива в том, что ему удалось охватить значительную долю населения мира, а также осуществлять лонгитюдное исследование, что придает результатам большую надежность и репрезентативность. По охвату это, возможно, самое крупное эмпирическое исследование ценностей. Несмотря на существующие естественные различия между странами во всех областях жизни, ученому и его коллегам удалось, тем не менее, найти определенные точки соприкосновения для измерения конкретных показателей индивидуальной и общественной жизни людей разных стран и частей света. Результаты опросов выложены в Интернете в открытом доступе, что дает возможность любому, интересующемуся данной проблематикой, детально изучить определенные аспекты жизни.

Достоинства исследования влекут за собой и естественные недостатки. Стремясь обследовать как можно большее количество населения, Р. Инглхарт не учитывает конкретную культурную, историческую, со-

циально-экономическую ситуацию в стране, которая может определенным образом влиять на восприятие ценностей. Один ли тот же смысл, к примеру, будет вкладывать тибетский буддист и светский житель Западной Европы в такие термины, как «благополучие», «счастье», «удовлетворенность жизнью»? Приводя в данном случае более конкретные примеры, касающиеся России, стоит указать, что исследование Р. Инглхарта отражает (в 1990-х гг.) потребность россиян в «сильной власти». Это дает ученому основание полагать, что Россия остается в своей сущности авторитарной страной, в политической культуре которой мало что изменилось. (Такой взгляд на Россию не является уникальным для западных аналитиков, как и для современных западных СМИ).

Фокусируясь на сравнительном макроисторическом подходе и практически не вводя в свой анализ исторических, политических, культурных особенностей конкретной страны, Р. Инглхарт, по всей видимости, предполагает, что они не играют решающей роли для наличия или отсутствия, развития или убывания некоторых ценностных категорий. К тому же понятна необходимость при проведении обобщенного кросскультурного сравнительного исследования установить определенные ограничительные рамки в изучении и интерпретации особенностей каждой конкретной страны, ведь невозможно «объять необъятное». Существуют, тем не менее, культурные факторы, которые Инглхарт выделяет как решающие в ценностном выборе человека, и это прежде всего религия. Таким образом, Инглхарт не сводит исследования к редуccionистскому анализу экономических или политических факторов, что является, на мой взгляд, большим достоинством. Вполне правомерной представляется точка зрения Л. Гудкова о том, что «использование методики сравнительных исследований всегда оставляет открытым вопрос о том, что в конечном счете получает исследователь: описание структуры ценностей населения конкретной страны или меру их соответствия нормативному образцу, то есть величину социальной дистанции между Швейцарией или Данией, завершившими процессы модернизации, и допустим, Россией ... или другой развивающейся страны» (Гудков 1993: 12).

Полномасштабные исследования ценностей, основанные на методике и теории Р. Инглхарта, проводились и в России с целью верификации выводов западного ученого. Институтом сравнительных социальных исследований были также обнаружены *высокие показатели «материалистичности» россиян* (как при соотнесении различных ценностей друг с другом, так и при их сравнении с соответствующими показателями в других странах). Ценности, которые можно было бы отнести к постматериалистическим (забота об окружающей среде, защита свободы слова), в России очень мало распространены (Андреенкова 1994). *Исследование не выявило высоких показателей предпочтения авторита-*

ризма по сравнению с другими странами (в то время как возрастные различия в этом отношении существуют — чем старше возраст, тем больший процент людей склонны к авторитаризму). Напротив, было выявлено (как и в рассматриваемых далее общероссийских исследованиях), что *распространение либеральных ценностей в стране возрастает*. Поэтому правомерной представляется позиция С. Фланагана, считающего, что было бы более адекватно *разграничивать* в понятийном отношении ценности материализма / постматериализма и авторитаризма / либерализма как разные «ценностные плоскости» в общественном сознании, а не одну, как это сделано в исследовании Р. Инглхарта (Там же). Достоинством обслеования, дополняющего работу Р. Инглхарта, на мой взгляд, стало также то, что были проанализированы ценности *в отношении к показателям социально-демографической структуры* российского общества (в т. ч. доходу, образованию, социальному статусу, возрасту); некоторые выводы в данном случае не совпали с таковыми у Р. Инглхарта в отношении других стран. Но в целом теория и упомянутые выше гипотезы Р. Инглхарта нашли свое подтверждение в применении к российскому населению. Хотелось бы отметить в данном случае немаловажную особенность в методическом плане: в вышеуказанных работах респондента спрашивают не о том, что значимо для него лично, а о том, что, по его мнению, наиболее значимо для страны (в то время как интерпретироваться результаты могут без учета данного факта). Рассматриваемая далее работа использовала другую методику, более приближенную к индивиду и межличностным ценностям как таковым.

Еще одно крупное международное эмпирическое исследование, проведенное в 25 европейских странах, включая Россию, в 2006—2007 гг., показало, что в сравнении с жителями других стран россияне *особенно выделяются стремлением к власти и богатству, а также к личному успеху и признанию в ущерб альтруистическим ценностям* (Магун, Руднев 2008). Данный факт является одним из основных выводов исследования, отличающих жителей России от большинства других стран, причем особая выраженность индивидуалистических ценностей оставляет в сознании такого человека «меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости, о природе и окружающей среде и даже беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает» (Там же: 57). Стоит отметить, что, согласно данному исследованию, в постсоциалистических странах гораздо выше *ценность безопасности*; оно также показало *доминирование материалистических ценностей* в сознании большинства россиян. Представляется важным вывод исследователей о том, что ценности традиционализма, а также склонность к «покорности и послушанию» *не являются широко* распространенными среди россиян в сравнении со многими другими странами. У россиян

также больше выражена *потребность в защите со стороны сильного государства* и менее — *склонность к риску, потребность в новизне и самостоятельности*. К наименее типичным для современных россиян ценностям относятся «открытость» изменениям (что включает значимость для человека возможности «принимать решения самому, не зависеть от других, заниматься тем, что доставляет удовольствие» и пр.) и *альтруизм* (менее 10–15% выборки).

Достоинством вышеупомянутых исследований является то, что они более широко и детально подошли к изучению российского населения по сравнению с исследованием Р. Инглхарта, в котором анализируются средние показатели населения по ценностным параметрам и каждая страна представлена в виде «точки» на фоне общей схемы. К тому же российские авторы отталкивались от представляющейся вполне правомерной гипотезы о том, что отдельные группы внутри одного общества могут иметь больше различий, чем сходные с ними группы в других обществах. Правомерным представляется разграничение в понятийном отношении «плоскостей» материализма / постматериализма и авторитаризма / либерализма, т. к. общероссийские данные не подтверждают тезис Р. Инглхарта о высоком уровне показателей склонности к авторитаризму у российского населения. Другие эмпирические (и теоретические) исследования, рассматриваемые ниже, *не* вступают в противоречие с основными отмеченными тенденциями в формировании ценностей.

Общероссийские и «локальные» эмпирические исследования ценностей

При изучении ценностного сознания современных россиян были проанализированы теоретические и эмпирические работы «локального» уровня, касающиеся исследования повседневной деятельности, адаптации и ценностей сельского населения Новосибирской области (по материалам работ З.И. Калугиной и О.П. Фадеевой, В.А. Артемова, О.В. Новохацкой и др.); также был проведен вторичный статистический анализ данных одного из крупнейших лонгитюдных исследований сельской местности Сибири под руководством В.А. Артемова, охватывающий все время после начала Перестройки и выборку в более чем пятьсот человек на каждой волне исследования. Кроме того, на основе анализа статистических данных регулярно проводимых многолетних опросов и аналитических работ ВЦИОМ и Левада-центра (с 1985 по 2009 г.) были отслежены основные тенденции в изменении социально-экономических ценностей россиян. Важным источником также послужили работы по исследованию изменения ценностей в период после начала Перестройки, выполненные под руководством академика Н.И. Лапина.

Стоит отметить, что российские исследования ценностей дают более полное представление о произошедших изменениях внутри страны, де-

монстрируя существенные различия в ценностях между группами населения. Так, к примеру, особенно значимыми оказываются такие факторы, как *возраст* (и статус пенсионера), *место проживания* (*крупный город или село*). Имеет значение также *наличие семьи, образование, тип занятости* (государственное или частное предприятие), *пол* и некоторые другие факторы. Некоторые ученые полагают, что *принадлежность к определенному социальному классу и доход* не показывают существенной связи с приверженностью к каким-либо ценностям. Нет необходимости заново повторять основные особенности ценностного сознания современных россиян, отмеченные в предыдущей части — все они были обнаружены и во «внутренних» российских исследованиях. Более подробно здесь будут затронуты лишь некоторые моменты, основные наиболее общие выводы, имеющие значимость для целей статьи.

Одной из наиболее значимых особенностей современных жителей России является укрепление ценностей, которые *«в социальном смысле можно назвать либеральными, а в личностном — индивидуалистическими»*. Человек осознает свое право выбора, уделяет значимость инициативе, свободе и независимости, в нем нет слепого подчинения авторитетам. «Россияне не воспринимают больше себя как чьи-то подданные» (Лапин 2000). Индивидуалистическая позиция продолжает укрепляться в сознании россиян (по данным на 1998 г. составляя 42 %, что намного превышает показатели 1990 г. Характерная черта ценностного сознания современных россиян (как и всей идеологической политики страны в целом) заключается в трансформации «идеологизированно-монолитной структуры» в плюральную, как это сформулировал Н.И. Лапин. Данный вывод был сделан на основе изучения ценностей российского населения в течение практически всего периода после Перестройки. Этот вывод подтверждают вышеупомянутые международные исследования ценностей, как и некоторые общероссийские (Бызов 2008).

Однако стоит отметить, что важными для россиян на протяжении всего исследуемого периода после Перестройки являются ценности, которые, наверное, можно было бы обобщенно назвать *гуманистическими*: это высокая значимость близких людей и межличностного общения, а также забота о детях и стариках, спокойная совесть, добро, правда (от 42 % до 70 % в разные годы) (Лапин 2000; Артемов, Новохацкая 2006; Калугина 2001). Именно они, по словам Н.И. Лапина, являются своеобразным интегрирующим ядром, «макропозицией» ценностной системы для большинства россиян, оставаясь наиболее значимыми *вне зависимости* от трудностей и испытаний, через которые пришлось пройти стране в годы реформ (Лапин 2000).

Тем не менее, согласно статистическим данным, сегодня наблюдается также и *стремление к достижению личного успеха любой ценой* (Андре-

енкова 1994; Лапин 2000), равнодушие к потребностям окружающих (хоть и не превалирующее пока в процентном отношении): индивидуализм имеет опасность вырождения в потребительский эгоизм. Многие исследователи отмечают, что больше всего эта черта (как и индивидуалистическая направленность в целом) выражена в *молодом поколении*. В этом, на мой взгляд, заключается потенциальный источник углубления аномии, разобщенности.

Для молодежи также характерно более выраженное желание и готовность начать собственное дело, идти на риск, быть независимым в работе. Среди молодежи в целом к тому же отмечается более позитивное отношение к стране, к реформам и менее выраженная склонность к авторитаризму по сравнению с другими возрастными группами. В России периода советского времени предпочитает жить только 20,3 % опрошенных из группы 16–25 лет, в то время как в самой старшей возрастной группе 56–65 лет эта доля составляет 76,1 %, согласно исследованию, проведенному в ИКСИ РАН (Горшков, Давыдова 2005: 24).

Другой важный аспект, который позволяют отследить существующие российские эмпирические исследования, заключается во взаимосвязях в отношениях к различным аспектам социально-экономической и политической жизни в стране, материальным благосостоянием респондента и ощущением собственного благополучия, социального самочувствия и отношения к реформам.

З.И. Калугина (основную часть своей научной деятельности посвятившая изучению проблематики сельского населения) делает вывод, что *в сельской местности остаются превалирующими принципы коллективизма и корпоративности*, и именно этот фактор, на ее взгляд, не был учтен реформаторами 1990-х гг., что и привело к низкой успешности реформ (Калугина 2001). В сельской местности в целом отмечается также несколько более негативное отношение к рыночной системе и существующим условиям жизни (Калугина 2001; Магун, Руднев 2008; Артемов, Новохацкая 2006; «Информация...» 1997; 1999; 2004). То же можно утверждать и, к примеру, о малых народах Сибири.

Результат расчета данных обследования В.А. Артемова, выполненный автором статьи с учетом коэффициента корреляции Кендалла, выявляет значимую связь между показателями отношения сельского населения к результатам реформ, с одной стороны, и качеством жизни, а также с чувством уверенности в завтрашнем дне, настроением и душевным состоянием, с другой. Материальное положение имеет также статистическую корреляцию с душевным состоянием и настроением населения, с чувством уверенности в завтрашнем дне, отношениями между людьми (помимо прочих переменных показателей качества жизни). Взаимосвязь некоторых из упомянутых факторов в сознании рос-

сийского населения также отмечена в исследовании, проведенном ИКСИ РАН (Горшков, Давыдова 2005).

Правомерно будет сделать следующий вывод на основе вышеприведенных (и других) данных: *материальное и социально-экономическое положение «среднестатистического» индивида и его семьи имеет непосредственную взаимосвязь с его ценностным сознанием, с отношением к социально-политической системе.*

В данных региональных, общероссийских и международных исследований нет больших противоречий относительно общих тенденций развития ценностного сознания, доминирующих потребностей.

Затрагивая обсуждаемую выше проблематику в методологическом ключе, хотелось бы отметить, что большая часть социологических эмпирических работ имплицитно подразумевает, что *внешние обстоятельства* (уровень доходов, качество жизни и пр.) являются определяющими при формировании ценностей и общих установок человека, — и это, по сути, линия анализа, продолжающая марксистский подход, доминирующий в российской гуманитарной науке в прошлом столетии и наложивший глубокий отпечаток и на социологию, в которой феноменологическое, экзистенциальное, гуманистическое направления оказались очень слабо представленными. Благодаря такому подходу происходит редукция человека к экономико-социологическим детерминантам. Иногда исследования (в т. ч. зарубежные) отражают узкоцелевой, несколько утилитарный, технический характер, исходят из позитивистских посылок об эмпирической верифицируемости идей как основном показателе научной истинности. Более плодотворным представляется политеоретический или даже интегральный* подход, тем более к такому глубинному феномену человеческой сущности, как ценности. Такой подход и применяется в данной работе.

Ресурсы применения интегральных подходов в изучении ценностного сознания

В последние десятилетия в мире в разных областях наук происходит формирование подходов, имеющих под собой общее основание, что позволяет некоторым исследователям говорить о новой научной парадиг-

* Термин «междисциплинарный» и «интегральный» я не рассматриваю как синонимичные. Если подходы первого направления больше склонны к эклектизму, то интегральные теории находят общее основание для интеграции (а именно принципы единства и развития, т. е. модель динамической целостности). Однако полагаю правомерным рассматривать термины «интегральный» и «холистический» как близкие друг к другу, т. к. в их основе лежит ключевое понятие о целостности.

ме, относящейся к постнеклассической науке. Постнеклассическая наука избирает своим объектом «исторически развивающиеся системы с включенным в нее человеком. <...> Человек интегрирован в подобную систему *не фрагментарно, как, например, homo oeconomicus, а тотально и непрерывно-бесконечно...*» (Степин 2001, цит. по: Тарасевич 2004: 110). Стремление к целостному подходу в исследовании на основе обращения к разным научным дисциплинам является одной из основных черт данного научного направления.

В социальных науках стоит выделить синергетику (включающую различные направления), а также работы Ф. Варела, Дж. Александера, Ю. Хабермаса, Дж. Ритцера, П. Сорокина и многие другие. Представляется правомерной точка зрения, что проблема микро- и макроинтеграции (стоящая в фокусе исследования данных подходов), возможно, будет означать переход к качественно новому уровню науки. Из современных российских ученых данного направления особенно хотелось бы отметить работы академика В. Степина, научные школы В.Г. Немировского*, В.И. Кабрина, И.В. Черниковой, работы В.В. Васильковой и др. Среди самих подходов интегративного направления, несомненно, имеются определенные различия. Многие, однако, стремятся изучать человека в его целостности, учитывая как его внутренний мир, сознание, так и то, как оно проявляется и взаимосвязано с его физиологией, а также с культурой, социальной структурой и материально-технической базой в развитии общества.

Представляется плодотворным использование интегрального подхода современного американского исследователя Кена Уилбера, основавшего Институт интегральных исследований в США и внесшего особый вклад, помимо прочего, в область развития интегральной методологии исследования. Подход Уилбера, на мой взгляд, дает прекрасную возможность увидеть некоторую системность и направленность в развитии ценностей, позволяет более широко интерпретировать эмпирические факты, вписав их в контекст других эволюционистских (психологиче-

* Немировский (вслед за другими учеными) доказывает в своих работах, что «на рубеже XX и XXI вв. социологическая наука вступила в постнеклассический этап своего развития» (Немировский, Невирко, Гришаев 2003: 5). К основным чертам данного этапа автор относит, среди прочих, развитие комплексных, полипарадигмальных подходов к анализу социальной реальности; синтез социогуманитарного и естественнонаучного знания; включение современных направлений системного анализа в спектр методологических основ социологии; опору на традиционную восточную философию и русский антропокосмизм; расширение представлений о предмете социологии и стирание междисциплинарных различий с другими социогуманитарными науками.

ских) теорий, а также является малоизвестным, особенно в российской социологии и философии.

К. Уилбер, обобщая многочисленные эмпирические и теоретические работы таких ученых, К. Грейвз (С. Graves), Д. Бек (D. Beck), Ж. Гебсер (J. Gebser) и других, утверждает, что *существует определенная закономерность в развитии индивидуального и коллективного сознания, развивающегося по траектории от уровня физического самосохранения до материалистических (индивидуалистических) ценностей к холистическим*. Эти уровни «самобытия» названы К. Уилбером (вслед за Д. Бекон и К. Коуэном) матрицами ценностей (value memes). Каждая матрица — «это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль, стратегия адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и до форм государственного управления» (Уилбер 2004: 69). Она является ключевой характеристикой сознания, «кодом» в развитии человека / группы людей. Матрицы можно сравнить с матрешкой, где каждая последующая включает в себя предыдущую — в этом заключается принцип холизма данного подхода. К. Уилбер определяет холон как то, что является целым на одной стадии и становится частью объемлющего целого на следующей (например, клетка и организм). «Матрицы» не означают, что какая-то из них «лучше» или «хуже»: они все необходимы, и без возникновения и развития более ранних не было бы последующих; они также не являются инструментом для измерения интеллекта или морального развития, т. к. на каждой стадии индивиды способны совершать зло и добро (Там же). Таким образом, представление о ценностных «матрицах» расширяет понимание ценностей авторами эмпирических исследований в первой части статьи (где ценности интерпретируются преимущественно как «убеждения человека в значимости лично для него некоторого объекта или явления» (В. Магун, М. Руднев), которые он непосредственно обнаруживает в процессе опроса).

В данной статье, основываясь на рассмотренных выше обобщениях результатов эмпирических исследований ценностей российского населения, хотелось бы выделить основные матрицы, которые, как показывают данные, являются сегодня наиболее выраженными (или имеют тенденцию к дальнейшему развитию). Объемы работы не позволяют детально останавливаться на каждой из стадий и рассмотреть все из них, поэтому хотелось бы выделить основные «вехи» в формировании ценностного сознания россиян.

«Базовая» матрица, названная Д. Бекон *«архаически-инстинктивной»*, отвечает за удовлетворение человеком своих основных, в т. ч. физиологических потребностей. Как показывают несколько затронутых выше в статье исследований, достаточно высокий процент россиян оза-

бочен безопасностью в России, особенно по сравнению с другими странами.

Несмотря на то, что рассмотренные в статье исследования не затрагивают *магический* аспект сознания, другие данные (к примеру, Д. Фурмана, К. Каарияйнена, М. Штерина и др.) показывают, что в современной России имеет большое распространение вера в магию, колдовство, астрологию и другие феномены, составляющие сущность магического сознания, причем уживающиеся, к примеру, с формальным принятием православия одним и тем же человеком.

Другая «матрица», которой хотелось бы уделить особое внимание, условно названа Д. Беком и К. Коуэном «конформистским стандартом». Люди, функционирующие на данном уровне, считают, что в жизни есть смысл, направление и цель, и все определяется всемогущим Другим или Порядком. Порядок основан на абсолютистских и неизменных понятиях «правильного» и «неправильного»; присутствует жесткая социальная иерархия, патернализм, буквалистские и фундаменталистские убеждения. Существует только один правильный образ мышления обо всем, импульсивность контролируется посредством вины. Порядок часто бывает «религиозным», но может быть и светским. (Авторы утверждают, что данная матрица является доминирующей у значительной части населения Земли (40 %), и у 30 % представителей власти) (Уилбер 2004: 72).

Характеристики стадии конформистского стандарта, по всей видимости, коррелируют в социально-политическом отношении с таким типом общества, который в социальных науках носит название традиционного: в нем существует тенденция к авторитаризму, преобладают коллективистские установки, высокую значимость имеет традиция. Однако разделительную черту при анализе структур сознания было бы не вполне корректно проводить через различные общественные системы — скорее, она пролегает между индивидами и группами внутри одного общества.

Рассмотренные в статье эмпирические работы показывают, что для россиян значимость порядка в стране практически повсеместно имеет преобладающее значение. Существуют также определенные группы населения (пенсионеры, жители села и др.), которые в наибольшей степени по сравнению с другими испытывают ностальгию по советскому времени, негативно относятся к современной модели российской социально-политической системы, имеют повышенную склонность к авторитаризму. Представляется, что современные коммунистические и консервативно-патриотические силы также отражают ценности данной матрицы. Однако *наиболее существенным изменением*, произошедшим в сознании российского населения со времени после начала Перестройки, является именно тенденция к уменьшению, к трансформации данной матрицы в следу-

ющую стадию ярко выраженного индивидуализма (хотя нельзя утверждать, что она на данный момент является доминирующей).

Следующая матрица, условно названная «научный прогресс», отличается фокусом на развитии рационального мышления. На ней самость «спасается» от стадного менталитета предыдущего уровня и ищет истину и смысл с индивидуалистической точки зрения — экспериментальной, объективной, механистической, операциональной. Мир здесь представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в собственных целях. Человек, в сознании которого доминируют ценности данной матрицы, ориентирован на личный успех и карьеру. Наблюдается: в эпоху Просвещения, в нарождающемся среднем классе во всем мире, в холодной войне, индустрии косметики и моды, материализме, либеральном индивидуализме. Согласно авторам концепции, является доминирующей у 30 % населения, 50 % представителей властных структур (Уилбер 2004: 72).

Высокую ориентацию россиян на успех, карьерный рост и ярко выраженные у многих «материалистические» ценности демонстрируют нам различные эмпирические исследования. Значимым является и тот факт, что в современной России происходит развитие рыночной экономики, в которой играют немаловажную роль такие личностные черты, как предприимчивость, активность, готовность идти на риск и пр. На данный момент власть активно стремится внедрить курс на модернизацию и инновации. Нельзя утверждать, что данная «матрица» является доминирующей у большинства российского населения — скорее она характерна для наиболее социально продвинутой его части; в большей степени для молодого преуспевающего представителя крупного города, чем для пожилого жителя села, согласно статистическим данным.

Последние в развитии — матрицы *плюралистического релятивизма* (или «восприимчивой самости»), а также *интегративная* и *холистическая*. Для первой характерны идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем. Человеческий дух на данном этапе развития стремится к освобождению от алчности, догматизма, разобщенности; чувства и взаимный интерес преобладают над холодной рациональностью; характерны забота о земле, жизни, противостояние иерархии, установление горизонтальных связей. Акцент делается на диалоге и взаимоотношениях. Для данного этапа характерны плюралистические и релятивистические системы ценностей, гармония, обогащение потенциальных возможностей каждого человека (Там же).

На этапе интегративного и холистического развития человек способен охватить умом весь спектр внутреннего развития, понять значимость существования всех других матриц и сделать шаг *к целостному*

видению процесса развития человечества, взаимозависимости людей. Эти матрицы свойственны только 1 % населения Земли и 5 % представителей власти (Там же). Рассмотренные в статье исследования, касающиеся России, также показывают очень слабую выраженность данных матриц в сознании населения.

Именно эти три последние матрицы, на мой взгляд, содержат потенциал для разрешения множества конфликтных ситуаций — от социализации на «микроуровне» до проблем глобального характера. При рассмотрении эмпирических исследований ценностей выше было отмечено, что россияне сегодня особенно выделяются стремлением к успеху и карьере, зачастую за счет благополучия других, не беря в расчет интересы ближних. В данном случае именно «восприимчивая самость» восполняет эгоцентрическую «сфокусированность» заботой о других, что, несомненно, оздоравливает все общество. По своей сути эти ценности являются альтруистическими и гуманистическими, создающими почву для взаимного сплочения — не на основе, к примеру, разрушительных идеологий поиска внешнего врага или подавления страхом и террором, а отталкиваясь от осознания глубинной взаимосвязанности людей в современном мире. Формальное существование свобод сегодня не увеличивает автоматически уровень культуры и взаимного уважения — это не только дело времени, но и внутреннего развития.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в современной России можно выделить несколько основных тенденций в развитии структур сознания. Во-первых, это наблюдаемый сегодня и все более распространенный, особенно в формирующемся среднем классе, путь (эгоистического) индивидуализма, рационализма, интересов к росту материального благополучия (иногда и за счет других). Во-вторых, это реакционный фундаментализм, озлобленный против преуспевающих, восхваляющий прошлое, выражаемый людьми, не сумевшими адаптироваться в новых условиях, не приемлющими происходящих изменений в современной России (матрица «конформистского стандарта»). Как и во все времена, актуальной остается базовая матрица, ответственная за основные условия выживания человека, — в России достаточно низкий уровень жизни и высокий процент людей, живущих в бедности. Значимость ценности безопасности остается одной из наиболее актуальных для большинства населения. Наименее распространенными сегодня в России, как и во всем мире, являются матрицы «нематериальных ценностей», разделяемые группами милосердия, оказывающими безвозмездную помощь, отчасти экологическим и некоторыми новыми движениями и пр. Интегративные подходы к изучению феноменов не являются доминирующими и в современных науках о человеке и обществе. Тем не менее, некоторые исследователи отстаивают точку зрения, утверждающую, что

в последние десятилетия все же наметилась тенденция постепенного смещения ценностей в сторону формирования интегральной культуры. Эту идею в свое время доказывал и П. Сорокин.

Основным достоинством интегральных подходов является стремление увидеть целостное развитие общественной системы, которое выражается в соотнесении и нахождении параллелей в развитии различных аспектов человеческого бытия — индивидуального и коллективного, духовного и материального и пр. *Сознание не находится только в организме*, пишет К. Уилбер (Уилбер 2002). Мировоззрения не являются бестелесными структурами: они, как и культурные факторы, взаимосвязаны с другими материальными компонентами общества. Техничко-экономическая база устанавливает широкие пределы, в рамках которых разворачиваются мировоззрения. Каждой стадии в развитии коллективного и индивидуального сознания соответствует определенный уровень технико-экономического развития системы (от «фуражной» через индустриальную до информационной) (Там же).

По мнению Уилбера, в каждом обществе не существует единого монолитного технологического способа производства и единого монолитного мировоззрения. Мы всегда видим некий спектр различных «базисов и надстроек». Именно благодаря тому, что на изменения в сознании требуется намного больше времени, чем на изменения в материально-технической и экономической областях, происходят революции — социальные, политические и пр. Говоря о современной России, сегодня имеют распространение несколько стадий в развитии технико-экономической системы, коррелирующие с «матрицами сознания». Помимо прочих, это аграрная (жители села, как показывают рассматриваемые выше статистические исследования, чаще разделяют традиционалистские ценности и отрицательно в своем большинстве относятся к идеям либерализма); индустриальная (выраженная ярче всего индивидуалистическими тенденциями) и формирующаяся постиндустриальная (закладывающая почву для «плюралистического релятивизма»), между которыми редко существует конструктивный диалог и взаимопонимание. К тому же рассмотренные выше российские исследования показали несомненную взаимосвязь между материальными условиями жизни человека и его ценностями (особенно ярко это показали «локальные» исследования).

Идеи Уилбера имеют особую значимость в том числе и для социологии знания. В свое время социолог В.Г. Немировский отметил, что проблема классической социологии заключается в том, что данная наука не может ответить на вопрос, каким образом общество, находясь в непрерывном движении, регрессивных и прогрессивных изменениях, может одновременно представлять собой стабильную, интегрированную систему, наделенную эффективным механизмом саморегуляции (Неми-

ровский, Невирко, Гришаев 2003). А модель Уилбера, таким образом, снимает данную проблему (хоть она и не единственная в этом отношении), так как в ней заложен принцип *системности* (выраженный в синтезе индивидуальной, культурной и социальной составляющей) и *развития* (выраженный в представленных эволюционных стадиях развития в каждой из областей развития человека и общества, связанных друг с другом).

Таким образом, основываясь на анализируемой в статье информации, в определенной степени можно согласиться с существующей точкой зрения о том, что, как нам об этом говорят классики психологической мысли, неудовлетворенные потребности являются наиболее приоритетными для человека — и, возможно, поэтому российское население (как и население многих постсоциалистических стран) проявляет высокие показатели «материалистичности». Личная инициатива, индивидуализм, осуждаемые в советское время, теперь имеют все большее (хоть и не преобладающее) распространение. Более позитивное отношение молодого поколения к реформам и рыночной экономике говорит в пользу существующей гипотезы о том, что на изменение сознания требуется значительно больше времени, чем на другое переустройство индивидуальной и общественной жизни. А так как произошла коренная трансформация всей системы, старшему поколению это сделать сложнее.

В статье была также сделана попытка объединить «теорию» и «практику», стоящие чаще всего особняком друг от друга в рамках современных узких научных направлений общественных и гуманитарных наук, обусловленных своими конкретными особенностями. Речь, тем не менее, идет о понимании человека как целостного, не раздробленного существа — такое видение и хотелось бы реализовать, поэтому считаю не вполне адекватным узкоспециализированный подход, тем более к такому феномену, как ценностное сознание. Предложенный подход позволяет также дополнить анализ социально-экономических ценностей более широким анализом массового сознания и отойти тем самым от редукционизма и идеи экономического детерминизма и, кроме того, соотносить «местный» и «глобальный» масштабы проблематики. Представляется, что эмпирически регистрируемая действительность позволяет уловить некоторые тенденции в развитии, однако никогда не сможет создать «механического слепка» всей комплексной и даже тайной природы человеческого сознания и бытия. Работа в большей степени была нацелена на общее осмысление основных тенденций и закономерностей в развитии ценностного сознания (чем на «жесткий» статистический анализ).

Хотелось бы отметить в заключение, что в работе не были достаточно глубоко затронуты высшие духовные ценности, имеющие огромное

(если не решающее) значение, особенно в переломные моменты истории. Сегодня, на мой взгляд, существует острая необходимость в проведении эмпирических исследований российского населения, которые были бы сфокусированы на высших ценностях, — сегодня эта проблема в фокусе преимущественно или даже исключительно исследований философско-психологического (в основном теоретического) характера. Думаю, данное важное направление — дело будущего.

Литература

Андреевкова А.В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 73–81.

Артемов В.А., Новохацкая О.В. Сельская повседневность в 1970–2000 годы: данные к анализу // Экономическое развитие России / Под ред. Коломак Е.А., Машкиной Л.В. Новосибирск, 2006. С. 205–233.

Бызов Л.Г. Политические и мировоззренческие ценности россиян и трансформация партийно-политической системы России // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 3. Июль-сентябрь. С. 4–17.

Горшков М.К., Давыдова Н.М. Историческое самосознание россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2005. № 1(73). Январь-март. С. 17–24.

Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения. 1993. № 1(93). Январь-февраль. С. 8–32.

Информация: результаты опросов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 3 (29). Май-июнь. С. 55–91; 1999. № 4 (42). Июль-август. С. 48–90; 2004. № 1 (69). Январь-март. С. 100–103.

Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.

Лапин Н.И. Пути России. М.: РАН, 2000.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. №1 (93). Январь-февраль. С. 33–58.

Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В. Социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. М.: РГГУ, 2003.

Степин В. «Теоретическое знание» // Вопросы философии. 2001. № 1.

Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 107–117.

Уилбер К. Интегральная психология. М.: АСТ, 2004.

Уилбер К. Око Духа. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2002.

Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // The Washington Quarterly. 1999. Vol. 23 (1). Pp. 215–228.

Inglehart R., Welzel C. Cultural Map of the World [http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54].